

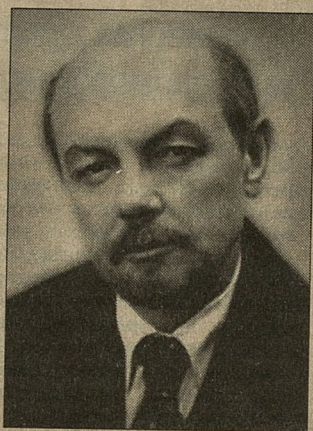

Придя в знаменитое здание БДТ на Фонтанке и будучи препровожден в кабинет художественного руководителя, я... ну не то чтобы оробел, но как-то собрался. Кирилл Юрьевич Лавров незадолго до этого приболел, и добиваться встречи с ним мне пришлось довольно долго.

Когда согласие было все-таки получено, я понял, что «разговорить» этого героя будет непросто: недостатка в общении с журналистами он явно не испытывает.

Закончив очередной телефонный разговор, хозяин кабинета встал, приветствуя меня, посмотрел мне в глаза и, ломая все каноны, сам начал с вопроса

Кирилл
ЛАВРОВ:

Новая газ. - 2001 - 17 июня - с. 11.

РОЛЬ ЛЕНИНА ЗАЧЕРКНУЛА МНОГИХ АРТИСТОВ

— Ну и что вас, собственно, интересует?

— Меня интересует ваша точка зрения на место лицедея, комедианта, артиста в эпоху перемен. Вам повезло поймать их практически все, будучи артистом, популярным в народе и любимым всеми властями. При этом хочется поговорить и о вашем понимании лояльности, ведь раньше было принято считать, что место интеллигенции в оппозиции, а как сейчас? Какую драматургию сейчас нужно ставить и зачем? Вот такие, довольно общие вопросы.

— (Длинная напряженная пауза.) Вопросы действительно общие, и отвечать на них очень сложно.

— Давайте попробуем начать с другого. В Москве есть в определенном смысле равновесная, взаимная вам фигура — Михаил Александрович Ульянов. Год назад я разговаривал с ним. Оба ваши театра потеряли главных режиссеров, и вы оба сегодня вынуждены, занимая кресло художественного руководителя, быть и духовными лидерами театра. Каково это: быть духовным лидером?

— (Снова пауза.) Ну я не могу назвать себя духовным лидером, тем более в творческом отношении. Это, кстати, очень связано — духовное и творческое лидерство. Оно присуще людям, которые рождаются крайне редко, в полном объеме этими качествами обладал Георгий Александрович Товстоногов. Вот уж кто был лидером во всех смыслах этого слова... Передо мной стоит другая задача: попытаться сохранить театр как организм, не дать ему развалиться. Я это могу сделать, например, приглашая на постановки талантливых режиссеров, которые смогут сохранить авторитет театра, накопленный за тридцать три года жизни в нем Георгия Александровича... А еще — сохраняя нормальное функционирование театра в сегодняшних условиях. Мне действительно досталась очень трудная доля не только потому, что я не режиссер, но и потому, что я лишен способности решать те вопросы, за которые всегда в полной мере отвечал Георгий Александрович: воспитывать труппу, заниматься судьбой каждого отдельного актера... Он ведь всегда старался использовать и развивать актеров очень разносторонне, например, совершенно неожиданными назначениями на роли. Он был великим строителем театра, а у меня задача гораздо скромнее: сохранить театр до прихода нового лидера.

— Кирилл Юрьевич, складывается впечатление, что, на-

зывая Георгия Александровича «строителем», о себе вы говорите как о «завхозе»!

— Ну нет, конечно же, нет! Мне ведь не только ведра и швабры достались, а люди!

(Нас прервал звонок телефона, во время которого Лавров отдал какие-то распоряжения.)

— Кирилл Юрьевич, чем вы руководствуетесь, принимая к постановке новую пьесу?

— В основном художественным качеством материала.

— Но ведь тогда ставить придется в основном Шекспира!

— Нет, не только. Хотя в современной драматургии очень сложно выбрать что-нибудь по-настоящему глубокое и интересное. Особенно эта задача осложнилась со смертью нашего завлита Дины Морисовны Шварц. Завлита в театре сегодня нет, но мои помощники мне, конечно, стараются приносить все, что хоть как-то достойно внимания. Но — сложно. Современным авторам почему-то не хватает доброты, а я очень не люблю всякие «ужастики», написанные с каким-то... античеловеческим чувством. Правда, слезливые мелодрамы я тоже не люблю, так что все крайне сложно. Трагедия — это другое. Она несет людям очищение через катарсис, и при всей тяжести направление хорошей трагедии очень светлое.

— Ну а как ваш театр прошел через тяжелейшие кризисные годы? Были ли задержки зарплаты и вообще каково было соотношение заработанных и дотационных средств?

— Этого я, слава богу, никогда не знал. Директор театра у нас есть, это его вопросы, а я их касаюсь только тогда, когда меня нужно куда-то везти, как свалебного генерала, чтобы осуществлять то, что называется представительскими функциями.

— Но ведь артисты хотят жить по-человечески! Вы не любите «ужастики», «пукалки-стрелялки», «чернуху-порнуху», а зритель по всей стране почему-то ждет именно их и платит за них, покупая билеты! Как вы думаете, чего ждет ВАШ зритель?

— Зритель, конечно, ждет современной пьесы, но я вычитал где-то в ежегоднике Императорских театров, что и директор Императорских театров Гидеонов жаловался, что просто нет современных пьес! Это в те годы, когда творили Островский, Толстой и вся замечательная плеяда драматургов того времени!

— А я вычитал в каком-то издании за 1903 год пассаж театрального критика, который возмущался на ту же тему: «У современных драматургов даже фамилии какие-то мелкие: одна напоминает водку, а другая — чихание!» Это он про Горького и Чехова.

— Ну вот, я об этом и говорю.

— Давайте коснемся другой сложной темы. Это актеры. Ведь когда все они — ваши старые друзья, то вполне естественно, что вам хочется, чтобы у них было все хорошо и стабильно. Но ведь наверняка есть актеры, которые для вас в театре сегодня уже лишние?

— Есть.

— И что делать?

— Для меня это очень болезненный вопрос. За четырнадцать лет я так и не уволил ни одного артиста, кроме двух молодых людей, которых сам же и принял, но они просто не оправдали наших надежд...

(Снова раздается телефонный звонок, Лавров берет трубку, слушает и произносит: «Ну нет, милькинг, я же не чтец и никогда им не был! Ничего страшного. До свидания».)

— Если не секрет, куда это вас приглашали?

— В Москву, в концертный зал «Россия». Там у них какой-то эстрадный концерт «на правительственном уровне».

— Они ведь даже про гонорар не успели сказать...

— А это неважно. Так вот, возвращаясь к теме. Я действительно не уволил никого из старых артистов. Я понимаю, что эта моя позиция очень уязвима, но вы совершенно правильно начали: я с этими людьми работаю тридцать-сорок лет и просто не могу обречь их на нищенское существование.

— А актер сейчас может прожить на театральную зарплату?

— Практически нет. Но мы делаем все, чтобы ее поднять. Нам помогает министерство, да и правительство Петербурга тоже. Хотя наш

было в ой какое время... Как же сейчас?

— Ну я так скажу. В последние десятилетия в среде творческой интеллигенции, а я себя не исключаю из этого числа, зрело недовольство тем, как мы живем, и что происходит в стране. В театрах ставили достаточно критичные публицистические спектакли, весь этот процесс и подготовил почву для той самой перестройки.

— А Гельман и Шатров, что это было, конъюнктура или нет?

— Не знаю, но тогда нам казалось, что это искренне. Вот, скажем, образ Ленина. Мы же всегда его противопоставляли тому, что в те дни происходило в стране! Это был

— А это, наверное, всегда так будет. Людям свойственно все время желать светлого будущего, мечтать о нем. Вот вы назвали всех этих людей, а разве не было все это ступенью к человеческой жизни? Конечно же, история никогда не движется по прямой, возможны разные зигзаги. Но при Хрущеве, я помню, был колоссальный духовный подъем, а уж когда пришел Горбачев, мы все просто кинулись за ним, думая, что вот наконец-то все начнется!

— Как о вас сегодня пишут в программах — народный артист СССР?

— Да.

— А как вы относитесь к своей последней кинороли «вора в законе»?

— Я очень хорошо к ней отношусь. Я начинал свою деятельность в кино с роли «вора в законе», был такой фильм «Верьте мне, люди!» по Герману, и заканчиваю ею же.

— Ну уж так-то не надо, заканчивать еще рановато!

— Почему рановато... Все-таки семьдесят пять лет, слава богу. Я пережил своих родителей, они моложе умерли. А что касается роли Барона, то он мне даже нравился, правда, мои друзья из Эрмитажа все возмущались: что же ты там такое говоришь! Мне было очень сложно им объяснить, что это не я, а мой герой!

— Кирилл Юрьевич, я слышал мнение, что вас пригласили на эту роль подсознательно, помня вас именно исполнителем роли Ленина и бывшим депутатом Верховного Совета...

— Ну нет! Я хорошо знаю режиссера Бортко, для него это было бы слишком примитивно! Вот он скоро собирается ставить «Мастера и Маргариту» и уже утвердил меня на роль Понтия Пилата, так что же, он опять это же имеет в виду? Нет, конечно! И вообще, нельзя же в наше время смотреть так: если актер играл Ленина, то «вора в законе» играть уже не может!

— А раньше бывало так?

— Раньше бывало, но я и тогда всецело боролся с этим! Вот, например, после того, как я сыграл Ленина, Госкино запретило Элему Климову пробовать меня на Николая II в «Агонию». Так когда я об этом узнал, я помчался в идеологический отдел ЦК партии к Василию Филимоновичу Шауро и устроил там у него форменную истерику, нельзя же меня после роли Ленина зачеркивать как актера! А эта трагедия сопровождала многих, например Бориса Смирнова, который был блестящим характерным актером, а после того, как во МХАТе сыграл Ленина, просто был уничтожен как актер, потому что ему не давали других ролей!

— Скажите, для вас ваш город — Петербург или Ленинград?

— Молодость моих родителей прошла в Петрограде, а бабушка жила в Петербурге и по другому его никогда не называла, так что для меня это не пустой звук. Кстати, из старой интеллигенции никто никогда не говорил Санкт-Петербург, это было лишь официальное название для документов. А сам я родился в Ленинграде, поэтому и это название абсолютно мое. Потом, когда его снова назвали Петербургом, в этом было, конечно, какое-то насилие, и я в разговоре иногда до сих пор сбиваюсь на Ленинград, но и Петербург не отрицаю. Не стоит с этим названием воевать.

(Снова прозвучал телефонный звонок, после которого беседа как-то не возобновлялась. Наверное, точка в ней уже стояла.)

● Сергей МИРОВ
Санкт-Петербург —
Москва

17.6.01
35